

ФИЛОСОФСКИЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ И ИНКЛЮЗИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

Чтобы придать целесообразную остроту обсуждению проблемы интеграции-инклюзии, приведу расхожую истину:

Рай в голове возможен,
На Земле — нет.

Однако, если рай на Земле невозможен, то это не означает, что к нему как и к интеграции-инклюзии не надо стремиться. Здесь недопустим радикализм тех, кто утверждает противоположные точки зрения. Одна точка зрения: интеграция-инклюзия — рядовая задача, каких много, и вполне решаема. Другая точка зрения: инклюзия не имеет удовлетворительного решения. Какую точку зрения принять?

Есть смысл держаться посреди этих крайностей. Для начала хорошо бы договориться о терминах: что есть «интеграция» и что есть «инклюзия». Уклоняясь от длиннот научных определений, прибегнем к аналогии, которая более доступно раскроет различие и сходство этих терминов. Совсем недавно мы пытались строить коммунизм. Социализм вроде бы построили, а коммунизм так и остался утопией. Аналогично интеграция детей с ОВР в обычную массовую школу — это первый этап, он проще и более достижим. Второй этап — инклюзия, которая предполагает вложение фантастических материальных, финансовых, инфраструктурных и других усилий с тем, чтобы создать Школу для всех детей, Школу равных возможностей. Этот второй этап, образно говоря, город Солнца Томазо Компанеллы, поэтому давайте оставим в покое термин инклюзия, а будем говорить пока об интеграции.

Вернемся, однако, к философским и нравственным аспектам интеграции.

Очень часто обыденное сознание склонно трактовать философию как оторванное от жизни абстрактное знание. Такое мнение не лишено оснований, так как философия включает и донаучные, и вненаучные, и мистические, и подлинные формы знания.

Философия, однако, не просто любое знание, или многознание, а только знание самых главных, самых последних и предельных основ всего сущего. Это к тому же любому-дрие.

Философия дает человеку путеводительную нить в виде парадигмы. Парадигма — это некая матрица, которая скроена из ценностей. Именно в философии в первую очередь осмысливается, например, кризис школы, образования, формируются новые идеи и т. п.

Ценности (аксиология) как раздел философии в каждую эпоху и в каждом государстве разнятся. В эволюции ценностей и отношении к детям с ОВР можно выделить ряд этапов. Например, древние греки стремились быть лучшими среди многих, стыдились быть нелепыми, ценили красоту. Именно поэтому лиц с уродствами, дефектами без всяких угрызений совести ставили в дискриминационную позицию.

Ценности вначале культивируют философы, а потом они вбрасываются в общество, а мы этими ценностями руководствуемся в поведении.

Ближе к нашему времени (XIX, XX века) все на той же ценностной основе были попытки улучшать человеческую природу (в рамках евгеники), проводя неоднозначные исследования. Наряду с изучением условий улучшения человеческой природы, проводились евгенические чистки по избавлению от «неполноценных» рас. Заметим, опять же на основе определенных ценностей осуществляются определенные действия по адресу «неполноценных» рас. Совершенно очевидно, что ценности и **мораль** идут рука об руку.

В современной философии (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, М. К. Мамардашвили, М. М. Бахтин и др.) отстаивается согласованная позиция, что если следовать принципу «для достижения цели любые средства хороши», то успех сомнителен. Сегодня, в философии культивируется очень важная идея о том, что в основании любого успеха должна лежать гуманистически выверенная согласованность ценностей, целей и средств.

В настоящее время высшей **ценностью** в философии признается человек как некая самоценность, которая не нуждается в обосновании, а сама ложится в основу обоснования приемлемых ценностей. Именно в современной философии вектор ценностей был смещен от культуры **полезности человека** к культуре **его самоценности**. И как бы ни было противно нашим атеистам слышать слова о том, что человек сотворен по **образу** и подобию Бога, без этой мысли, рассуждая об образовании, не обойтись. Семантика самого понятия «образование» возникла из допущения, что человек, появляется на свет не в виде готового существа, а постоянно **образуется**, стремясь соответствовать образу Творца, а если кто-то хотел бы соответствовать не Творцу, а хорошему, например, человеку — это тоже неплохо, потому что все люди, в конце концов, созданы по образу и подобию Бога.

Именно философская рефлексия помогает приблизиться к раскрытию тайны о том, как процесс постепенной шлифовки образования человека срачивается с нравственным его наполнением. Правда, с нравственностью человека не все просто. Так, В. П. Эфроимсон полагает, что в то время как производство человеком материальных благ, совершенствование техники — все это заметно эволюционирует, нравственность же человека за последние две тысячи лет не эволюционировала. Что-то в этом утверждении есть, как ни горько это человеку слышать. И действительно, надо быть сегодня большим оптимистом, чтобы утверждать, что нравственность заметно совершенствуется. От фактов современной жизни не отмахнешься, наблюдая примеры невынужденной человеческой агрессии, людоедские выходки современных канибалов, омерзительную боевую раскраску лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией и др. Тем не менее среди нас есть люди, и хочется верить, что их большинство, которые вслед за И. Кантом полагают, что, несмотря на наше несовершенство, две вещи всегда были и будут достойны внимания человека: звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас.

Постижение единства внешнего и внутреннего, то есть звездного неба над нами и нравственного закона внутри нас, происходит, по мнению философов, на основе **науки** и **веры**. Наука, как известно, расчленяет; вера исходит из целостного понимания явления. Наука имеет дело с воспроизводимыми фактами, а вера с умопостигаемыми выводами, которые касаются не столько окружающего мира, сколько явлений, лежащих за пределами физического мира (мораль, добро и зло, альтруизм и др). Наука и вера органично дополняют друг друга, но есть проклятые вопросы, которые не имеют никакого удовлетворительного философского и научного решения.

Так, философской рефлексии подвергаются крайне неоднозначные вопросы, косвенно связанные с проблемой интеграции, и особенно с тем, чтобы понять, где заканчивается подлинный гуманизм и начинается псевдогуманизм. Например:

1. Гуманно ли в процессе родовспоможения ставить некий временной предел реанимационных усилий, за которые заходить нельзя (скажем, ребенок в черной асфиксии, а реанимация продолжается)?

2. Беби-боксы — это гуманизм или провоцирование неконтролируемых случаев отказов матерей от ребенка под прикрытием успокаивающей мысли о том, что ребенок будет неплохо пристроен?

3. Цинично ли мы рассуждаем, когда говорим, что нормально развивающиеся дети — это золотой запас государства, и попытка признать равенство статусов на получение образования детей с ОВР и нормально развивающихся невольно приведет к снижению цивилизационного потенциала нашего государства по той причине, что нормально развивающимся детям будет затруднительно реализовать свою верхнюю планку развития?

Здесь могут возразить: почему надо обязательно полагать, что инклюзивная форма обучения должна непременно сопровождаться снижением образовательного уровня нормально развивающихся детей (гуманистический эффект при этом не обсуждается, он сохраняется)? Дело в том, что невозможно себе представить, чтобы в условиях сегодняшнего существования школы и образования в целом, нормально развивающиеся дети смогли в условиях инклюзии достигать максимально высокой планки своих образовательных возможностей. Интеграционно-инклюзивная форма обучения может быть эффективной только при условии максимальной дифференциации образовательных услуг по адресу каждого ребенка. Сегодня даже намек нет на качество таких услуг. Только будучи неумным оптимистом можно признать, что успешная дифференциация образовательных услуг может быть достигнута менее чем за полвека (и это в случае, если не будет экономических и политических катаклизмов и если мы неотступно будем заниматься совершенствованием инклюзивной формы обучения).

4. Вопрос о том, надо ли регулировать рождаемость, также не имеет удовлетворительного решения (думаю, что всем понятно какое отношение этот вопрос имеет к образованию). Здесь две позиции и обе уязвимы: те, кто стоит за регулирование рождаемости, сами, между прочим, успели родиться, а те, кто стоят за недопустимость контроля за рождением, закладывают противоестественную для человека норму поведения. Противоестественна эта норма потому, что у человека практически нет ничего, что бы не подлежало регулированию.

Поставим все-таки вопрос: какие же ценности легли в основание современных стремлений осуществлять интегрированное обучение?

Если говорить совсем кратко, то опять тут видна заинтересованность философии. Философы XIX—XX веков пытались изменить мир, а XXI век отмечен стремлением философов не столько менять мир, заостряя противоречия между людьми, сколько объединять, интегрировать людей:

- интегрировать разные религиозные конфессии;
- нашу систему образования интегрировать в международную систему;
- интегрировать образование нормально развивающихся детей и детей с ОВР.

Стремления крайне востребованные, но более чем неоднозначные.

По сути мы имеем дело с глобализацией, а интеграция — дитя глобализации.

Обсуждать широко плюсы и минусы глобализации — не наша тема. Однако, если глобализацию ассоциировать с интеграцией, то позиция по отношению к плодам глобализации должна быть единственной: если плоды глобализации-интеграции будут достигаться ценой уничтожения всего самобытного, национального, то есть всего, что составляет душу и историческую жизнь народа, то такие плоды надо отвергнуть.

Если интеграция-инклюзия будет достигаться ценой разрушения массовой общеобразовательной школы и одновременного упразднения специального коррекционного образования, то такая интеграция-инклюзия также должна быть отвергнута.

Найдем ли мы приемлемые формы инклюзии? Ответ даст время. Но судя по тому, какую сложную идею мы пытаемся обуздать и как мы запрягаем — прогноз артикулировать трудно. Попытаюсь обосновать свою точку зрения о таком прогнозе на инклюзию.

1. Относясь с благоговением к выстраданной не только философами, но и прочими думающими людьми идее самоценности человека и понимая в этой связи важность стремления не противопоставлять, а объединять людей, следует также понимать, что идея на то и идея, что если ее материализация будет уродливой, то к такой идее быстро утратится интерес.

2. Идея инклюзии фантастически гуманна. Но одновременно она фантастически сложна для осуществления, а если говорить без дипломатической корректности с точки зрения законов психологии и педагогики, то идея инклюзии принадлежит к разряду трудноисполнимых по крайней мере в тех чаяниях, которые мы артикулируем сегодня. Эти чаяния представляются, если не утопическими, то крайне завышенными (дай Бог, чтобы я ошибался).

3. Вопрос об инклюзивном обучении надо ставить не так: какой должен быть ребенок, чтобы учиться в нашей школе, а так: какая должна быть школа, чтобы в ней учился конкретный ребенок. А создание такой школы — дело далекого будущего.

4. Сегодня мы, имея очень скупой реальный успех интеграции, компенсируем его разговорами о тьютерах, которые скоро придут и засучив рукава включатся в инклюзивное сопровождение, о профессионалах-дефектологах, которые также скоро придут, получив специальное образование, о стандартах, которые будут скоро созданы под каждую конкретную аномалию, о психотехнике, которой мы скоро наводним инклюзивные школы, об инфраструктурной перестройке школ, которая скоро состоится под нужды инклюзии. Но одно дело фигурирование фразами, другое реальность.

5. Чиновники от образования очень часто выступают недостаточно квалифицированными организаторами инклюзии, но зато исправно подвигают к соответствующим отчетам лиц, причастных к инклюзивному обучению. Чиновники от образования и субъекты реального образовательного процесса не всегда совпадают в своем видении процессуальных, содержательных, итоговых задач инклюзивного образования. Выходит, что на пути инклюзии много барьеров, но гипнотическое наше очарование идеями интеграции-инклюзии столь велико, что только время покажет, есть ли будущее у этой идеи, и в каких формах и пределах эта идея сможет материализоваться.

Мировой опыт показывает, что никаких обязательных для исполнения процентов в создании инклюзивированных форм обучения не существует. Каждая страна этот вопрос решает индивидуально с учетом своих подходов и возможностей. Одни государства инклюзивной формой обучения охватывают до 90% всех детей с ОВР (не факт, что качество инклюзивного обучения там выдерживает критику), другие — 10%. Нас украсит ориентация на свой путь и в пределах и формах инклюзивного образования.

И самое главное — **зачем** мы стремимся к инклюзии, нам с подачи философов понятно, теперь дело за «малым» — педагоги должны сказать **как** это сделать.

И. П. Волкова

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНКЛЮЗИИ И ИНТЕГРАЦИИ

Сегодня в общественном сознании формируется новое понимание мира как сообщества, включающего различные микросоциумы, от равноправного взаимодействия которых зависит прогресс человечества. Центральным понятием нового подхода к общественному устройству становится социальная интеграция, цель которой — создание «общества для всех», в котором каждый индивидуум играет активную роль. Это находит отражение в современной образовательной политике, одним из проявлений которой является сближение общей и специальной образовательной систем, состав-